

Красавица и Bolshoi

Встр. Мюнхен — 2003 — 15 дек. — с. 1

Наталья ЗИМЯНИНА

Москву посетил выдающийся итальянский режиссер Франко Дзеффирелли: на сцене Большого театра показали его постановку «Травиаты».

Легенду мирового театра, кино, оперы, как оказалось, никто у нас не знал в лицо. Висконти, Феллини, Бертолуччи — это пожалуйста. Дзеффирелли же, фильмы которого «Укрощение строптивой», «Ромео и Джульетта», «Травиата», да и недавняя «Каллас навсегда» имели такой памятный отзвук, мы впервые увидели на этой пресс-конференции.

Глаза васильковые. Журналисты стали прикидывать — не линзы ли? Однако сидевшему от всего на свете патриарху заговорить — и все поняли: он живой и светится!

«Спасибо, что пришли. Спасибо за русскую культуру, которая так много значит для меня, — признавался гений. — Ведь я дебютировал в качестве сценографа в 1952 году в чеховских «Трех сестрах» в постановке Висконти. Начать с Чехова — огромная удача. Я очень верю в судьбу, в положительную и отрицательную энергию. Поймите, какие эмоции меня переполняют — ведь я с детства слышу: «Bolshoi! Bolshoi! Bolshoi!...» Рад, что со мной здесь такие артисты. В XX веке мне довелось работать со всеми звездами мировой оперы. Но я не мечтал, что и в XXI-м найдутся такие же замечательные Виолетта и Альфред.

Я много работал и с русскими певцами, пианистами, артистами — у вас же потрясающие таланты, без них невозможен сегодняшний мировой музыкальный театр. С ними всегда так

интересно — приходит туча новых идей...»

Ну а нам было интересно со спектаклем Дзеффирелли. Представленная в самом крошечном оперном театре мира на родине Верди в Бусето, эта «Травиата» как-то ловко приспособилась к нашей гигантской сцене. Три прозрачных стакана один в другом вращались на полукруге ступенчатого черного гранита, отражая то свечи, то ломаные абрисы

главных героев или цветных, веселых участников бала. Вот и вся сценография.

Безукоризненный вкус режиссера и художника, скромность (при идеальной музыкальности) дирижера Массимилиано Стефанелли стали основой такой работы артистов, что вот и думаешь: а что же Большой? Может, действительно, дело в том, что в Италии любой булочник споет вам что-нибудь из Верди, а не «Я со-

шла с ума»? Во всяком случае, итальянцы показали, что режиссура вся должна идти от музыки, а масштабность спектакля от размеров сцены не зависит.

Из всего состава лишь Ренато Брузон, певший еще с Каллас, числился заведомо великим. И публика особыми аплодисментами отдала должное и его прошлому, и его благородно-сдержанному настоящему. Молодые же артисты Стефания Бонфадел-

ФОТО ИТАР-ТАСС

Режиссер Франко Дзеффирелли

ли и Массимо Джордано, на пресс-конференции больше смахивавшие на Джульетту и Ромео, оказались мастерами высокой пробы неожиданно, скажем честно. Слушая свежий, естественный тенор красавца Джордано, тоскуешь, вспоминая наших пугликов с их то выпирающими, то пропадающими звуками. А хрупкая красавица Стефания Бонфаделли с ее мощным нутром и эстетски изломанным рисунком рук в первый же вечер стала для москвичей неоспоримой звездой, каких у нас тут не поет ни одной.

По сути, провинциальный европейский театр дал хороший урок нашему столичному, заплывшему в концепциях. Вспомнишь тут недавнюю «Культурную революцию», где Швыдкой, оригинальничая, обозначил тему так: «Столица никогда не догонит провинцию»... Накаркал, называется.

Кланялись итальянские артисты сначала как поставлено, потом сбились, потом вышел Дзеффирелли, и весь чинный порядок окончательно полетел к черту. Зал орал, будто и Верди жив, и дают премьеру, и она не провалилась, как это случилось когда-то в Венеции, а принята сразу огулнительным «браво!», которым наслаждались и никак не могли насладиться чужеземные артисты, чудом занесенные в Bolshoi. И довольный режиссер, взявший верх над временем, по цепочке послал свой букет в оркестровую яму, молоденькой скрипачке.

Сцена из спектакля в Большом

ФОТО ИТАР-ТАСС